

УДК 930:94(470.41)

**МОДЕРНИСТСКИЙ ДИСКУРС В ТРУДАХ А. БАЯЗИТОВА
(80–90-е годы XIX века)***А.А. Гафаров, Р.А. Набиев***Аннотация**

Статья посвящена изучению творческого наследия татарского учёного-теолога, публициста и общественного деятеля А. Баязитова. Объектом исследования стали не только широко известные труды выдающегося мыслителя, но и работы малозученные и совсем неизвестные современному научному сообществу. В результате осуществлённого анализа авторам удалось выделить модернистскую канву разноплановых произведений Баязитова. Он стал одним из первых мусульманских учёных, кто смог вывести обсуждение проблем будущности мусульманского мира на уровень общепонятного, научно обоснованного диалога. Исходя из лучших традиций исламского богословия и современной философии, Баязитов сумел доказать возможность и необходимость социокультурного прогресса мусульманских народов на путях широкого восприятия достижений мировой цивилизации при безусловном сохранении традиционных духовно-культурных ценностей.

Ключевые слова: произведения А. Баязитова, мусульманский модернизм, межкультурный, этноконфессиональный диалог.

Говоря о духе и причинах модернизации мусульманского общества, А. Баязитов писал, что некогда «была эпоха, когда религиозная жизнь обнимала в себе всевозможные интересы и с несвойственной ей шепетильностью регулировала всё. Даже самую пытливість ума и науки она замкнула в тесные заранее намеченные рамки. Время это прошло. Скоро наступило другое увлечение и даже в более энергичной степени. Было провозглашено торжество разума, и знание было поставлено пределом и целью человеческой жизни. Задачи материального прогресса увлекли всех и ворвались всюду, даже туда, где появление их является логическим бессмыслием. И надо сказать, что успехи были поистине замечательны» [1, с. 94].

С начала 80-х годов XIX в. мусульманское общество в Индии, Египте, Турции и России охватило модернистское движение, направленное на адаптацию религиозных норм к стремительно меняющимся условиям жизни. На страницах массовой печати развернулось широкое обсуждение проблем обновления исламского мира. Существенное влияние на эволюцию мировоззрения российских

мусульман оказали произведения мусульманских модернистов¹, среди которых выделяются труды петербургского ахуна Атауллы Баязитова. В отличие от своих предшественников (А. Курсави, Ш. Марджани), писавших на арабском языке, Баязитов обратился к читателям на понятном широкому кругу татарском и русском языках. Ставя первоочередной задачей защитить ислам и исламскую культуру от нападков и сложившихся стереотипов, он вместе с тем призвал мусульман преодолеть собственные предрассудки и приобщиться к достижениям европейской цивилизации.

Реформаторские подвиги в мусульманском мире вызвали в российском интеллектуальном сообществе неоднозначную реакцию. Отражая негативный взгляд на происходящие процессы («ислам не допускает прогресс»), с критикой модернистских идей выступили И.Н. Берёзин, В.Д. Смирнов, Н.И. Ильминский, Н.П. Остроумов и др. Попытки некоторых образованных мусульман выставить ислам чистой религией, чуждой фанатизма, по мнению критиков мусульманского модернизма, являются «грубым обманом». Выход в России брошюры Ж.Э. Ренана «Ислам и наука» (1883) усилил разворачивающуюся полемику. Авторитетный французский учёный (подобно российским исламофобам) заявил, что именно ислам является главным препятствием общественно-политической свободы, научного и экономического прогресса мусульманских народов.

Ответом на антиисламский выпад Ренана стала книга Баязитова «Возражение на речь Эрнеста Ренана. Ислам и наука» (1883), которая получила весьма широкий резонанс в среде российских мусульман. Исходя из утверждения, что «ислам есть положительное и точное, определённое учение», Баязитов обратился к сугубо рациональному началу теологических проблем, ибо разум и «есть свет от света Божьего» [2, с. 5, 34]. Поскольку «учение нашего пророка Магомета... не противоречит логике здравого мышления и не боится науки»², «конечный идеал, к которому стремится человечество, и окончательная цель его развития на земле – есть объединение религий и науки, этих высших областей духовного мира человека» [2, с. 4, 37]. (Свои идеи Баязитов стремился перевести также в практическую плоскость. Он подготовил ряд учебных пособий для нарождающейся новометодной школы.)

Данный вывод на более широкой основе рассуждений был полностью повторён в следующей книге «Отношение ислама к науке и к иноверцам» (1887) [4]. Вторая часть этой работы, вероятно, была навеяна бурной полемикой с М.А. Миропиевым, А.В. Елисеевым и некоторыми другими представителями официального востоковедения, которые обвинили ислам в фанатизме и нетерпимости [5, 6]. Так, по их мнению, ислам «полон предрассудочности и способности настраивать своих последователей к истинному просвещению, мешать нравственному облагораживанию и сближению с немусульманами» [7]. В ответных статьях «Вопрос о просвещении инородцев» (1885)³, «По поводу фанатизма» (1886) (а также

¹ К их числу принадлежат И. Гаспринский, А. Девлет-Кильдеев, Мурза Алим, С-Г. Султанов, А. Агаев, А. Цаликов и др.

² Годом раньше А. Баязитов отмечал: Мухаммед «не позволял себе высказывать того, что могли опровергнуть наука и разум» [3].

³ Данная статья вышла без указания авторства. Редакция «Восточного обозрения» ограничилась пометкой, что это – «возражение от одного образованного лица, знающего хорошо магометанскую литературу» [8, с. 10].

впоследствии в статьях «Обманчивые призраки», «Ислам и культура» (1891), «Письмо в редакцию» (1892)) Баязитов подчеркнул изначально толерантные традиции ислама. «В кодексах юридических учений ислама... говорится: 1) Претензии неправового более страшны перед правосудием Божиим, чем претензии правового. 2) Кровь их, как кровь наша; имущество их также, как и имущество наше. 3) Что нам, то и им». Таковы «были и личные отношения Магомета [и его соратников, по мнению Баязитова] к иноверцам» [9].

Критики ислама фанатизм присваивают «только одному магометанству», но не рассматривают «его как свойство вообще природы, присущее всему человечеству в известной исторической стадии». «Европейский мир, – пишет Баязитов, – в течение целых 12 веков [с момента образования христианства]... ровно ничего не сделал в пользу науки и просвещения, напротив того, оказал сильное гонение и нетерпимость ко всякому свободному мышлению и умственному развитию»; в то время как «в продолжение целых 6-7 веков во время царствования мусульманских халифов ислам был центром умственного движения, что и было арабами передано латинскому западу» [8, с. 10]. Во всяком случае, ислам «не создал инквизиции, не зажёл костров для мучения людей, не подчинившихся его учению» [9]. Достоин внимания и замечание татарского мыслителя о том, что оппоненты приводят произвольно взятые стихи Корана, которые следует рассматривать в историческом контексте, ибо «Коран включает в себе много постановлений, как мирных, так и военных и уголовных» [8, с. 11]; законы военного времени не могут характеризовать религиозное учение в целом [10].

Фанатизм (если он имеет место)⁴, полагает Баязитов, отнюдь «не истекает из вероисповедной розни учения ислама и христианства». Источник его – невежество: «Всякое нововведение принимается тёмной массой нелегко, а масса эта есть у всех наций, есть она и у мусульман». Таким образом, «забота об умственном развитии и распространении наук среди мусульман есть неотложная необходимость». Ислам же «стоит близко ко всему разумному, гуманному, к науке и познанию» (он «не заглушает науку, а споспешествует её развитию») [11]. «Всякая религия, – по мнению Баязитова, – дающая понятие о Верховном существе, делающая его и нравственным вследствие религиозных его принципов, – достойна уважения» [8, с. 11].

Выступления А. Баязитова получили поддержку ряда отечественных изданий («С.-Петербургские ведомости», «Новое время», «Восточное обозрение», «Голос», «Неделя» и др.)⁵, даже «Московские ведомости» опубликовали в 1887 г. весьма положительный отзыв на работу «Отношение ислама к науке...» [13]. Данная поддержка (даже эпизодическая) в определённой степени свидетельствует о близости и взаимовлиянии общественно-политических взглядов Баязитова и ряда демократически настроенных русских интеллигентов. В редакционном резюме к статье А. Баязитова «Вопрос о просвещении инородцев» (1885) было выражено кредо «Восточного обозрения»: «Следует принимать...

⁴ Если он существует среди российских мусульман, то исключительно связан, по мнению Баязитова, с заботой о вечной жизни, спасении души, но не с политикой, угрозой христианству и государству [10].

⁵ Вместе с тем его труды получили признание не только в России, но и за рубежом. Его сочинения «Возражение на речь Эрнеста Ренана...», «Отношение ислама к науке...» впоследствии были переведены на турецкий язык и изданы в Стамбуле [12].

голоса самых образованных из них и прежде всего избегать ожесточённых нападков на их дорогие верования, чтобы не создать озлобления, недоверия и пропасти, при которых едва ли возможно будет какое-либо сближение и просвещение. Истинный путь нравственного воздействия и цивилизации прежде всего требует не насилия совести, а соблюдение человеческого достоинства, мудрости и гуманности» [8, с. 11].

Эту линию нарождающейся демократической печати, выступившей против насаждения ксенофобии и религиозной нетерпимости, отразил известный религиозный философ В.С. Соловьёв, который был одним из близких друзей А. Баязитова. Биографический очерк Соловьёва «Магомет, его жизнь и религиозное учение» (1896) во многом был написан при участии и под влиянием Баязитова, уже имевшего опыт описания жизни пророка (1881) [14]. По выходу книги Соловьёва Баязитов опубликовал в «Неделе» рецензию – «Что проповедует ислам» (1896). Высоко оценивая упомянутый очерк, Баязитов позволил себе не согласиться с утверждением философа об отсутствии в исламе идеала человеческого совершенства [15]. В произведении «Ислам и прогресс» (1898) он (как и в предыдущем труде «Отношение ислама к науке...») обратился к идеалам и достижениям эпохи арабо-исламского ренессанса, когда «вся наука Греции [а также Индии и Персии] перешла в Аравию». По его мнению, позднейшие последователи, к сожалению, уклонились от этого пути, сосредоточившись на внешней обрядности, «а самый дух Ислама ускользнул от их взора» [1, с. 27, 7].

Вместе с тем А. Баязитов признаёт: «Мы не можем вернуться к прежней простоте» [1, с. 95] ранних времён. Данная фраза свидетельствует о его отрицательном отношении к набирающим популярность возрожденческим (фундаменталистским) идеям. В статье в газете «Голос» (1882) он выступил с осуждением ожиданий в мусульманской среде явления нового мессии (и слухов о его появлении в 1300 г. хиджры) [3]. Модернистский подход Баязитова иллюстрирует также пассаж относительно портрета пророка Мухаммеда (работы Гедана), представленного в очерке Соловьёва. Несмотря на жёсткие традиционные каноны, мусульманский учёный высказал лишь сожаление о том, что данное изображение не соответствует образу пророка, отметив при этом, что портрет в журнале «Звезда» (1895, № 4), по его мнению, предпочтителен [15].

Как и предшествующие реформаторы, А. Баязитов в книге «Ислам и прогресс» ратует за восстановление изначальных принципов свободомыслия раннего ислама, включавших иджтихад⁶. Аргументируя свою мысль, автор обращается к хадису (преданию): «Когда Мухаммед отправлял в Йемен самого близкого своего асхаба (собеседника, друга) Мааза с поручением и, давая ему инструкцию в руководство, спросил между прочим Мааза, как он будет решать возникшие на месте вопросы, Мааз ему ответил: “Буду руководствоваться положениями Корана!” – “Ну, а если и в Коране не найдёшь ответа?” – “Тогда буду руководствоваться Сунною” – “А если и там не будет ответа?” – “Тогда буду решать собственным усмотрением (ачтахиду бирай)”. На это Мухаммед сказал:

⁶ Иджтихад – право мусульманского правоведа (факиха) выносить решение по важным вопросам религиозной и общественной жизни на основе Корана и сунны, руководствуясь иджмой (согласным мнением авторитетов общины) и методом кияс (суждением по аналогии). «Врата иджтихада» были закрыты в четырёх суннитских мазхабах (религиозно-правовых школах) в XII в.

“Хвала Богу, внушившему мысль посланцу посланца своего” [1, с. 89]. Таким образом, по мнению Баязитова, «история законодательства Ислама даёт прекрасный ключ к открытию самых сложных и хитрых замков. К сожалению, этот ключ в небрежных руках успел уже покрыться плесенью и ржавчиной. Он ждёт времени, когда эта плесень очистится и им воспользуются, чтобы вдохнуть новую силу туда, где былая действительность и энергия составляют гордость всего человечества» [1, с. 91]. Насущная задача настоящего времени – «очистить учение Ислама от плевел, примешанных к нему позднейшими невеждами» [1, с. 7].

Модернистские идеи А. Баязитова вызывали яростное сопротивление исламских традиционалистов, выступавших против каких-либо изменений в жизни мусульман. Признавая кризис мусульманской культуры, Баязитов писал, что «такие периоды застоя можно видеть в истории почти что всякого народа. Выйти из него, вступить на новый путь всегда стоило большого труда и борьбы. Всегда являлись фанатики, приверженцы status quo, и убедить их в их собственной близорукости всегда стоило больших усилий. Мы думаем, что подобные староверы подымут свой голос в осуждение того пути, который мы указываем современному мусульманину. Они будут осуждать стремление жить по тем началам, которые украшали расцвет Ислама. Они будут стоять за жалкую действительность, за современное узкое понимание духа Ислама!» [1, с. 92–93].

Доказывая возможность обучения европейским наукам, мусульманские модернисты всячески отстаивали конфессиональную нейтральность просвещения. Если арабы восприняли знания у греков (а также персов, индусов, китайцев), то позднее инициатива культурного прогресса от арабов вернулась к европейцам. Почему бы в настоящее время мусульманам вновь не поучиться у христианской Европы?! При этом Баязитов во всех своих трудах активно утверждает мысль об отсутствии антагонизма между исламом и христианством. Исходя из идеи единства (по «духу и смыслу») и непротиворечивости авраамических религий, всеобщности духовно-культурных ценностей, татарский учёный призвал правоверных преодолеть отчуждённость от немусульманских народов: «Церковь рядом стоит с мечетью в селениях и городах; каждая из них зовёт к тому же Всевышнему» [11]. «Итак, мы видим по учению Ислама, что для правильной жизни земной и небесного блаженства нет различия ни в нации, ни в религии. Всевышний наделил всех своими благами; и милосердия Господа хватит для каждого» [1, с. 52].

Подтверждая высказывания предшественников (Девлет-Кильдеева, Гаспринского, Мурзы Алима), что «учение Ислама не мешает никаким действительным улучшениям» [1, с. 7], А. Баязитов вместе с тем предостерегал реформаторов от крайних средств, «реформ и новшеств – во что бы то ни стало; не имеющих ничего общего с историей мусульман, их воззрениями, бытом, духом и т. п.» [1, с. 93]. Открыто говоря о постигшей исламский мир культурной катастрофе, Баязитов в своих трудах стремился «показать, какие обстоятельства перевели на ложный путь течение жизни народной и прекратили органическое развитие этой жизни, составляющее суть истории человечества» [1, с. 92–93]. Наряду с причинами религиозно-догматического порядка он пишет о политических и социальных факторах ослабления интеллектуальной жизни в центрах мусульманской культуры.

По мнению А. Баязитова, колонизация, помимо преимуществ европейской цивилизации, принесла в жизнь покорённых народов массу негативных моментов, разрушающих основы их духовного, социокультурного уклада. На вопрос «Что же мы, однако, видим в современной Европе?» татарский мыслитель не без сарказма ответил: «Последним словом политических теорий является насаждение с оружием в руках европейской культуры в виде прогрессивного сбывания вина, опиума, хашиша среди бедных, неискушённых сыновей Африки, Аравии и Азии, и всё это под благовидным термином “культурной миссии”» [15]. Относительно пространных рассуждений европейских культуртрегеров об опасности мусульманского фанатизма (учений ас-Сенуси, махдизма) для России [6] Баязитов лишь кратко заметил: «Не учение сектантов создало Махди в Судане, а английская экспедиция, с целью завладения Египтом» [9]⁷.

Комментируя ситуацию в Северной Африке (расширяющуюся европейскую колониальную экспансию), А. Баязитов подчёркивал безусловное право мусульманских народов на самооборону. «По учению Ислама война (джихад, газават) обязывает каждого мусульманина встать на защиту Ислама в том случае, если неприятель сам напал на территорию мусульман» [1, с. 53]. Соответственно, борьба махдистов и шейхов-синуситов «против нападения англичан на Судан и французов на Алжир... это не есть религиозная враждебность к христианам, а сознание долга самозащиты, свойственного благородным и достойным людям; право самозащиты признаётся кодексами всех народов» [9].

Однако по отношению к российской власти мусульманские модернисты были крайне осторожны в своих политических высказываниях. А. Баязитов всячески стремился подчеркнуть политическую лояльность российских мусульман. В ответ на обвинения во враждебности к имперской власти он писал: «О каких-либо политических и тому подобных замыслах в головах у таких людей [религиозных мусульман] не может быть и речи» [10]. Ни один «русский татарин» не считает себя подданным султана, «всегда считал и считает себя верноподданным Государя Императора». Российские мусульмане ни дома, ни в школах не держат «никаких сочинений и стихов в честь турецких султанов», в отношении военной службы неудовольствия не проявляют [16], татарская литература не содержит протестов «против государственного существования [строю] России» [10] и т. д. А если какие волнения случались, то они происходили, по утверждению Баязитова, не от фанатизма мусульман, «а от неумелой распорядительности и нетолкового разъяснения со стороны администрации» (по поводу набатных колоколов, учебников русского языка и т. д.) [10]. После устрашающего восстания в Андижане (1898) он поспешил объявить, что «по учению Ислама “газават”, “джихад” имеет право объявить лишь имам [монарх] или эмир после предварительного извещения о своём намерении враждебной стороны», но никак не «ишаны, суфии, дервиши, мюриды и религиозные мистики», которые «подкупают толпу святостью своей личной жизни и искренностью увлечения, с которым они изъясняют свои крайние теории» [17].

⁷ По мнению Баязитова, известия о Синуси преувеличены, подобные секты в России отсутствуют, хадж способствует лишь росту благочестия среди мусульман и т. д. [9].

Отношение Баязитова к Андиганскому восстанию в целом было отрицательным. Неслучайно его статья «О событиях в Андигане» в «Новом времени» была перепечатана рядом периодических изданий («Казанский телеграф», «Православный благовестник» и др.). Он категорически отвергал причастность ислама к данному восстанию. Для него Майтубинский «ишан – самозванец». Его документы о халифском звании, скорее всего, лишь иджазат (дозволение) «вербовать себе мюридов» (учеников); поэтому политического характера «такая грамота иметь не может», как и зелёное знамя пророка, использованное мятежниками [17]⁸. Отрицая подстрекательскую роль «мусульманских монахов – выходцев из Турции», а также какое-либо политическое значение их миссионерской деятельности, он вновь «переводит стрелки»: «Самые острые моменты политического обострения дел – между суданским махди и англичанами». Очевидно, что Баязитов, опасаясь усиления репрессивных мер в отношении мусульман, изо всех сил пытался успокоить общественное мнение: «Нельзя в звании мятежника-ишана видеть какую-нибудь угрозу нашей власти на почве действительно религиозной нетерпимости» [17]. При этом он осторожно замечал, что от ограничительных мер в отношении мусульманских школ, цензуры татарской литературы «большой пользы не выйдет» [11].

Близкие к миссионерским кругам публицисты в эти годы настаивали на ужесточении законодательства в отношении мусульман. Например, М.А. Миропиев фактический провал проекта инородческих школ объяснил исключительным фанатизмом приверженцев мусульманской религии. При этом, по его мнению, фанатизм будет «тем упорнее», покуда будет преподаваться в медресе мусульманское богословие [5]. Остроумов также доказывал, что Коран положительно не способен вести мусульман по пути умственного и нравственного прогресса [18]. Возражая Миропиеву и другим оппонентам, Баязитов писал: «Но изгнание Корана из мусульманских училищ не равносильно ли лишению целого народа его религии? Неужели этого добивается просвещённый автор статьи об образовании мусульман!» Для татарского просветителя истинные мотивы критиков мусульманского образования – их стремление к христианизации и русификации инородцев – вполне очевидны. Миропиев фактически выступает против «политики, основанной на принципе взаимного уважения, веротерпимости»; он «держится системы, которая ставит в основу просвещения мусульман исключительно православно-христианские начала» («целью образования является не что иное, как обрусение»). Такая политика, – подводит итог Баязитов, – естественно «встречает в лице каждого учёного... мусульманина оппозицию и защиту» [8].

Таким образом, А. Баязитов выступил во второй половине XIX в. едва ли не самым последовательным мусульманским реформатором-модернистом в России. Его труды, а также общественно-политическая деятельность были направлены на сохранение культурных ценностей исламского мира и развитие межкультурного диалога, способствовали раскрепощению интеллектуальной мысли мусульманских народов, пропаганде идей этноконфессиональной толерантности, более широкого восприятия достижений мировой цивилизации.

⁸ «Нигде в учении ислама нет указания на зелёное знамя пророка как символ мирового торжества мусульман аналогичного с крестовыми походами» [17].

Summary

A.A. Gafarov, R.A. Nabiev. Modernist Discourse in A. Bayazitov's Works (1880s–90s).

The article studies the scientific heritage of the Tatar theologian, essay writer and public figure A. Bayazitov. The research is focused on the widely known works of the outstanding thinker as well as on the works that are poorly studied and even absolutely unknown to the modern academic community. The analysis makes it possible to give a modernist outline of the versatile works of Bayazitov. He was one of the first Muslim scientists who managed to bring the discussion on the future of the Muslim world to the level of an easily understood and scientifically grounded dialogue. Based on the best traditions of Islamic theology and modern philosophy, Bayazitov proved the possibility and necessity of social and cultural progress of Muslim peoples in acquisition of the achievements of the world civilization with unconditional preservation of their traditional spiritual and cultural values.

Keywords: A. Bayazitov's works, Muslim modernism, cross-cultural, ethnic and religious dialogue.

Литература

1. *Баязитов А.* Ислам и прогресс. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1898. – 95 с.
2. *Баязитов А.* Возражение на речь Эрнеста Ренана. Ислам и наука. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1883. – 38 с.
3. *Баязитов А.* По поводу помещённого в одной газете известия о скором обращении всех в ислам // *Голос.* – 1882. – № 308. – 11 нояб.
4. *Баязитов А.* Отношения ислама к науке и к иноверцам. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1887. – 103 с.
5. *Миропиев М.* Какие начала должны быть положены в основу образования русских инородцев-мусульман? // *Русь.* – 1884. – № 17. – 1 сент.
6. *Елисеев А.В.* Религиозный союз Сенуси и его значение для России // *С.-Петербург. ведомости.* – 1886. – № 73. – 15 (27) марта.
7. Среди татар. IV // *Новое время.* – 1891. – № 5475. – 28 мая (9 июня).
8. [*Баязитов А.*] Вопрос о просвещении инородцев // *Вост. обозрение.* – 1885. – № 10. – 7 марта. – С. 10–11.
9. *Баязитов А.* По поводу мусульманского фанатизма // *С.-Петербург. ведомости.* – 1886. – № 123. – 6 (18) мая.
10. *Баязитов А.* Обманчивые призраки. Ответ на статью «Среди татар» в газете «Новое время» // *С.-Петербург. ведомости.* – 1891. – № 96. – 9 (21) апр.
11. *Баязитов А.* Ислам и культура // *С.-Петербург. ведомости.* – 1891. – № 214. – 9 (21) авг.
12. Баязитов А. // *Энцикл. слов. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона.* – СПб.: Тип. АО «Брокгауз-Ефрон», 1905. – Доп. т. I. – С. 228.
13. Новое исследование об исламе. Отношение Ислама к наукам и иноверцам. С.-Петербургского мухамеданского Ахуна Имама Мударриса Атаулла Баязитова // *Моск. ведомости.* – 1887. – № 218.
14. *Баязитов А.* Мөхәммәд Мостафа (салла-л-лаһу галәйһи вә сәлам) дөньяга килүе вә диннең башлануы. (Явление на свет Мухаммеда-избранного (Да благословит его Бог и приветствует) и начало религии). – СПб., 1881. – 52 б.
15. *Баязитов А.* Что проповедует ислам // *Неделя.* – 1896. – № 36. – 8 сент.
16. *Баязитов А.* Письмо в редакцию // *Сын Отечества.* – 1892. – № 338. – 11 (23) дек.
17. *Баязитов А.* Ахун Баязитов о событиях в Андижане // *Казан. Телеграф.* – 1898. – № 1720. – 23 авг.

-
18. *Остроумов Н.П.* Что такое коран? По поводу статей Г.Г. Гаспринского, Девлет-Кильдеева и Мурзы Алима. – Ташкент, 1883. – 156 с. (Перепеч. из: Туркестан. ведомости. – 1883. – № 1–10).

Поступила в редакцию
10.12.13

Гафаров Анвар Айратович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории и мировой политики, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: *anvargafarov@mail.ru*

Набиев Ринат Ахматгалиевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политической истории и мировой политики, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: *kafpolithistory@mail.ru*